

Яо Цян, заставивший переснимать сцену уже восемь раз, постепенно начал замечать, что что-то не так. Просматривая отснятый материал раз за разом, он все больше хмурился.

На девятый дубль он не выдержал и специально вызвал Сунь Ши в павильон для разговора.

В импровизированной комнате для отдыха Яо Цян не стал ходить вокруг да около и сразу сказал:

— Сунь Ши, хотя я и благодарен тебе за то, что ты, как старый друг, согласился помочь мне с этим фильмом, но это не значит, что я могу позволить тебе вести себя на съемочной площадке как угодно.

Сунь Ши крепко сжал губы, не проронив ни слова. Он не злился и не возражал против слов Яо Цяна.

Яо Цян, глядя на все еще спокойного и мягкого Сунь Ши, с легкой досадой произнес:

— Сунь Ши, пик твоего актерского мастерства был во время работы с Гу Лоанем. Но после этого ты не заметил, что твоя игра застряла на одном уровне? Ты никогда не задумывался, почему ты не можешь прорваться дальше?

Потирая переносицу, Яо Цян продолжил:

— Я не знаю, какие у тебя проблемы с Цинь Чжижанем, но в этих сценах я не вижу Линь Чжоу. На экране я вижу только Сунь Ши.

Сказав это, Яо Цян вышел из павильона. Взгляд переместился на спокойно беседующего с Цзи Шусяо Цинь Чжижаня, и он с облегчением вздохнул, потирая лоб.

Примерно через десять минут Сунь Ши вышел из павильона. Хотя на его лице все еще читалось напряжение, Яо Цян понял, что он, вероятно, осознал свою ошибку.

Десятый дубль той же сцены. Камера включилась вновь.

Сунь Ши глубоко вдохнул и перестал сознательно сопротивляться Цинь Чжижаню, полностью погрузившись в роль и позволив ему вести себя в игре.

На этот раз Яо Цян остался доволен отснятым материалом, его нахмуренный лоб наконец разгладился. Он поднял мегафон и объявил:

— Снято!

Это наконец позволило всем выдохнуть и перевести дух на несколько минут.

Цзи Шусяо протянул Цинь Чжижаню бутылку воды и спокойным тоном заметил:

— Ты выглядишь довольным?

Цинь Чжижань на мгновение замер, затем безразлично пожал плечами. Взгляд скользнул в сторону Сунь Ши, который, казалось, погрузился в задумчивость. Он не злился на соперничество Сунь Ши, считая это нормальным для опытного актера, которого подавил новичок. Лишь святой мог бы смириться с таким.

Он не знал, о чем говорили Яо Цян и Сунь Ши, но, вспоминая их прошлую совместную работу,

у него остались хорошие впечатления. Поэтому на этот раз он решил помочь Сунь Ши, немного сбавив свой напор и позволив ему вести себя в игре.

Для Киноимператора Гу Лоаня важно было не только самому достичь лучшего состояния, но и помочь другим. Поэтому уместное сдерживание и направление были необходимы.

Сунь Ши действительно был потрясен и в то же время облегчен. Он понимал, в каком состоянии находится, и знал, что его мастерство, хотя и надежно, но трудно поддается развитию. Однако во время работы с Гу Лоанем он вызвал на себя роль, которую никогда раньше не пробовал, и сыграл ее успешно.

Другие не знали, но он сам чувствовал, как глубоко погрузился в образ, забыв, что он — Сунь Ши. Это было захватывающе, но одновременно пугающе. Поэтому он считал, что то сотрудничество не было прорывом, а просто полной передачей себя в руки Гу Лоаня. Это был не он.

И вот эта сцена заставила его окончательно понять: Гу Лоань стал Киноимператором не просто так. Он был как источник света, заставляющий других сиять, и в то же время освещающий всех вокруг. Вместо того чтобы быть просто фоном для других, он, казалось, добровольно становился их поддержкой.

Развязав этот узел в душе, Сунь Ши почувствовал, что тяжелый груз, лежавший на нем из-за сравнения с Гу Лоанем, исчез, а оковы в его актерском мастерстве, казалось, мгновенно рухнули.

Цинь Чжижань отвел взгляд, улыбнулся, отставил бутылку воды и приготовился к следующим съемкам.

У Линь Бая было всего четыре эпизода, что совсем немного. Всего за неделю сцены были отсняты, и наш Цинь Чжижань закончил работу над картиной!

Однако съемки фильма еще не завершились, поэтому Цинь Чжижань лишь временно покинул съемочную группу. Если в процессе постпродакшена потребуются дополнительные сцены или промо-фотографии, ему придется вернуться.

Оказавшись на свободе, Цинь Чжижань начал готовиться к другому фильму.

Режиссером фильма «Ты в моих глазах» стал Чжан Дэ. Ранее Цзи Шусяо уже упоминал его, так как этот режиссер довольно известен. Он снимает только мелодрамы, но фанаты прозвали его «мастером разбитых сердец»!

В целом его фильмы не являются трагедиями. Главные герои обязательно будут вместе, как и хочет публика. Но в отличие от других картин, где любовь проходит через страдания и испытания, фильмы Чжан Дэ кажутся простыми и «свежими». Однако к финалу никто не чувствует себя уютно.

Как-то один фанат оставил комментарий о фильмах Чжан Дэ:

«Фильмы о любви Чжан Дэ в целом очень обыденны. В них нет нелепых сцен или ожидаемых драматических поворотов. От начала и до конца это самая обычная любовь, возможно, самая близкая к реальности. Поэтому его фильмы — это своего рода "кино с сожалением": они не вызывают радости или удовольствия при просмотре финала, а лишь оставляют чувство, будто в сердце застряла заноза, которая болит и болит».

Цинь Чжижань раньше не работал с Чжан Дэ, и причина это была до смешного забавной.

Один режиссер как-то в шутку спросил Чжан Дэ, почему тот не снимает фильм с Гу Лоанем, национальным кумиром. Это гарантированно бы собрало огромную кассу. Но режиссер Чжан с серьезным видом назвал две причины: во-первых, внешность императора кино слишком выдающаяся и не подходит для его стиля, а во-вторых, император слишком дорогой! Он не может позволить себе его аренду!

Без малейшей иронии, просто констатация фактов. Глядя на фильмы Чжан Дэ, действительно можно заметить, что роли в них чаще всего исполняют актеры с приятной, но не слишком яркой внешностью.

Так что... не отвергнет ли его сейчас режиссер Чжан из-за его лица?

Размышляя об этом, Цинь Чжижань стоял перед зеркалом, нахмурившись и внимательно изучая свое отражение.

Когда Цинь Чжиюэ вернулась домой, она увидела, как ее брат трет лицо перед зеркалом, хмурит брови и выглядит чем-то недовольным.

— Э-э... Брат, ты и так достаточно красив, хватит смотреть... — не выдержала она, глядя на своего глуповатого брата.

Цинь Чжижань подмигнул ей, но на лице все еще читалась озабоченность:

— Именно потому, что я слишком красив, это и вызывает такие переживания.

Цинь Чжиюэ промолчала. С каких пор ее брат стал таким нарциссом! И таким раздражающим!

Закатив глаза, она ушла в свою спальню готовиться к экзаменам, предоставив Цинь Чжижаню продолжать кривляться перед зеркалом.

Время шло незаметно, до прослушивания на «Ты в моих глазах» оставалось всего пять дней. Цинь Чжижань, сидя дома, то тяжело вздыхал, глядя на свое лицо, то улетал в свои мысли со сценарием в руках, что заставляло Цинь Чжиюэ не раз подозревать, не вернулись ли у брата побочные эффекты! Такое поведение явно выдавало отклонения в голове!

— Брат... Ты, случаем, не влюбился в чью-то дочь? — наконец не выдержала Цинь Чжиюэ.

Услышав этот вопрос, Цинь Чжижань очнулся от задумчивости, затем с презрением посмотрел на сестру:

— Любовь — это пустая трата времени. Неужели ты думаешь, что я буду этим заниматься? Если есть свободное время, лучше бы я заработал немного больше денег.

Цинь Чжиюэ снова замолчала. Значит, все это время, когда он был не в духе, он просто размышлял о жизни???

В отчаянии она закрыла лицо ладонями. Говорят, женское сердце — темный лес, но в ее случае это было скорее братское сердце.

...

Пять дней спустя Цзи Шусяо и Цинь Чжижань прибыли на место прослушивания. На этот раз

масштаб был гораздо больше, и с первого взгляда среди участников можно было заметить немало знакомых лиц.

Автор имеет что сказать:

Просьба добавить в закладки.

<http://bllate.org/book/16690/1531906>